

Вырезка из газеты
КАЗАХСТАНСКАЯ
ПРАВДА

1 АВЛ 1986

г. Алма-Ата

з. 1175

Фото О. Ионов.

Театр

В поисках творческого лица

Нынешнее лето стало для Восточно-Казахстанского областного русского театра драмы имени Джамбула серьезным испытанием и праздником одновременно: в Алма-Ате прошли его итговые гастроли, позволившие красноречиво показать зрителю, как живет и трудится коллектив, познакомить театральную общественность республики с его достижениями, помочь понять свои просчеты и неудачи. Сегодня мы публикуем заметки о выступлениях этого коллектива.

Мне думается, что судить об успехах и неудачах любого гастрوليрующего театра следует прежде всего по тем законам, по каким живет и творит сам коллектив, по каким судит его работы постоянный зритель. Из этого мы будем исходить и в нашем разговоре о Восточно-Казахстанском театре драмы.

В том, что театр этот способен создавать художественно-целостные произведения, доводить их до уровня актерского и зрительского потрясения, мы убедились на примере постановки брехтовской пьесы «Мамаша Кураж и ее дети». Да, на сцене Брехт, лишенный ложной митинговальности и плакатности, психологически обоснованный режиссурой Ю. Коненкина и сценографией Л. Зацепиной, оправданной всем актерским ансамблем во главе с ведущей актрисой театра Н. Карякиной в роли Анны Фирлинг — мамаша Кураж.

Мизансцены здесь построены на пластической основе, и это тоже по Брехту, которому чуждо бытописательство. Слово опорно и звучит полифонично во всех своих регистрах — это тоже Брехт. Зонги (песни-монологи) вытекают из действия, развивают его, раскрывают внутренний мир персонажей. Так задумал Брехт. Актеры знают, чего хотят, и действуют увлеченно, с большой душевной затратой.

Анна Фирлинг в исполнении Н. Карякиной — камертон спектакля. Нет сомнения в серьезной художественной победе актрисы. Анна — жертва войны. Нет в ней дилетантства — есть наивная вера в то, что человек, живущий в мире войны, должен приспособить себя и детей к этой жуткой среде. Не лишняя доброты и благородства, исполненная народной мудрости и оптимизма, такая мамаша Кураж могла выстоять, выжить в испытаниях тридцатилетней войны. Нам симпатична эта Анна Фирлинг. Открыто и смело, что недоуменно ее жила и судьбой ее детей.

В сценарии Л. Зацепиной нет ни одной бездействующей де-

тали, как нет статичности, иллюстрированности и в тонко подобранной Е. Мищенко музыке. Театр в «Мамаше Кураж» получил право прямого обращения к зрителям, немедленно вызывающего их активное сочувствие и участие.

Гастроли театра в Алма-Ате совсем не случайно открылись драмой В. Чичкова «Этот странный русский» в постановке главного режиссера В. Паршева (он же исполнитель роли доктора Егорова). Сотрясающая мир борьба подлинного гуманизма с политической беспардонностью правящей верхушки США, цинично именуемой «гуманистической программой» помощи слаборазвитым странам, касается всех нас, людей, живущих во всех уголках планеты. Нелегкий долг врача, вынужденного во имя высокой человечности, сформированной в клятве Гиппократова, спасти жизнь главы антинародного путча, сам по себе порождает острый драматургический конфликт.

К сожалению, режиссуре не удалось выстроить действие, заложенное в драматургии, и на сцене так и не возникло атмосферы милосердия и человеческого участия, присущей больнице Международного Красного Креста, и так кощунственно подавленной ворвавшейся сюда военщиной. Характеры врачей разных национальностей ограничили лишь одной-двумя формулирующими чертами и остались статичными, неподвижными, как и большинство мизансцен спектакля. Не получил развития и образ капитана Берланги, выписанный автором неоднозначно. Все это не помогает и развитию образа Егорова. В результате и В. Паршев, актер с интересной, притягательной индивидуаль-

ностью, играет в спектакле несколько монотонно. Вряд ли правомерны здесь два пролога и эпилога, уводящие сложное действие по разным направлениям, и нарушающие художественную целостность спектакля.

Не сумел театр найти доверительные ноты в общении со зрителями и в спектакле по героической комедии В. Мережко «Пролетарская мельница счастья». У этого драматурга — своя поэтика. Она не лежит на поверхности пьесы. И немногим театрам удастся ее раскрыть.

Революционное прошлое нашего народа, его священная вера в справедливое переустройство общества трудящихся сегодня не нуждается в ораторском крике. Слово об этом, сказанное просто, задумчиво, даже с той наивной верой, которой наделил В. Мережко героев своей «Пролетарской мельницы счастья», куда как слышнее и дороже всем нам. Но это тепло пьесы почти ушло из спектакля. В нем много крика и суеты. Очевидный просчет постановки — в подмине жанра: героическая комедия превратилась в дубок. И удушающе выглядит ожившая карикатурой Моора со страниц «Крокодила» давних лет. И испорченной копией Магара Нагульнова смотрится Председатель, за исключением тех немногих моментов, когда артист С. Гризнов наделяет его добрым юмором и негромкой задумчивостью.

Театр ошибся в жанре, хотя в этом спектакле есть захватывающие сцены. Ошибка повлекла за собой неверную интонацию, шающую вразрез с драматургией.

Та самая лирическая народная интонация, которой так недоставало нам в «Пролетарской мельнице счастья», пронзывает бесхитростную музыкальную комедию В. Покровского «Смешной день» в постановке В. Паршева. Курьезная и по добром рассказанная драматургом и театром история инвалида войны Вани Малого, неожиданно, на один день заменившего председателя колхоза, не рассчитана на глубокую постановку проблем. В непривычной игре забавных ситуаций выявляется главная мысль пьесы и спектакля: работа о производстве прямо пропорциональна участию руководителя в личной судьбе каждого человека. За один

день своего председательствования Иван Акимович Малый успел и урожай спасти, и разумно усилил людей распределить, и добиться активности нерадивых командиров на элеваторе, и шабашников включить в общественно полезный труд, и личное счастье нескольких семейств наладить. А задано и свое счастье нежданно-негаданно найти.

В. Паршев в этом спектакле нашел себя и как режиссер-постановщик, и как актер. В легкой водевильной манере строит он мизансцены, со вкусом и пониманием жанра использует песню, танец, сценический трюк. Вновь порадовала в этой постановке актриса Т. Гремина, на этот раз в роли ревнивой, скандальной, но по-доброму отходчивой Любови. Актриса выявила тонкое чувство жанра, чего не скажешь, например, о яркой характерной В. Латфи, которая увела свою Давыдиху в юный жанр — откровенную опереточность.

Говорят, что спектакль — «долгожитель». А ведь это незаметно — актеры играют его с живым, сиюминутным настроением премьеры.

Такое бы настроение — да в сказку Г. Волчек и Э. Микаэли «Принцесса и дровосек» в постановке Ю. Коненкина! Но, увы, в этом спектакле налицо все признаки старения. К сожалению, большинство «зрелых» театров, играющих «утренники» для детей, все реже полагают, что ребенок подробостей не замечает. Вот и не живем в ролях, а изображаем, не вскрываем комическое, а комикуюм, не действуем, а помечаем. Что заставляло Волшебника так уж рассердиться на Принцессу, чтобы превратить ее, беднягу, в болотное чудовище? В тексте сказано, а на сцене не прожито. Почему Царь и дело меняет отношение к дочери? Обрадовались или ужаснулись волжские превращения Принцессы? Наконец, почему же так просто досталось Дровосеку обратное волшебство? Только декларацией, что мол, любовь все может. А где же главное — поступок?

Много взрослых остается и у взрослых, и у детей, хотя сюжет ясен.

Гастрольная афиша театра включает в себя классическую пьесу А. Н. Островского «Без вины виноватые» и это обра-

щение коллектива к известнейшей пьесе русского классического репертуара вполне понятно. К грустной комедии Островского театр подошел уважительно. Режиссер Ю. Коненкин (самые серьезные названия гастрольной афиши связаны с его именем) не претендует на открытия в старой доброй классической пьесе с ее вечной темой материнской боли и сыновней тоски, с мелкими злодействами театральных кулис прошлого и мещанствующими купцами, счастливыми уже тем, что могут о себе сказать магнетическое слово — «интеллигентия». Спектакль поставлен в традиционной манере, неторопливо, добротнo и внятно. К слову сказать, режиссерская внятность — синоним мужества, но не загадывая зрителя постановочных шарад ради самоутверждения на классике. Так Ю. Коненкин и поступил.

Р. Власова играет Кручинину сдержанно, тактично, в доверительной интонации. Столь же расщепленно, верно, иногда чуть риторично ведет свою роль В. Андреевская (Незнамова). Тщательный отбор выразительных средств помог и одному из ведущих мастеров театра, А. Воробьеву, создать убеждающий характер негдуного, но несчастного Шмаги. Наверно, мог быть не столь монотонным Муром (А. Матушкин), толще и многограннее Дудукин (Г. Терехов). Далеку от своей актерской темы Кручинину испрошно играет Н. Карякина, так глубоко поразившая нас в роли Анны Фирлинг. Умеренно пользуется характерными красками Г. Тимченко в роли Милозорова.

Есть в этом спектакле и большой актерский взлет — Л. Прозорова, создавшая образ старой Галочки истоиво и тонко, с ощущением тяжелой биографии своего персонажа, с той самоотверженной отдачей, что ценил Островский в русских «старухах».

Нет сомнения — мы познакомились с театром живым, ищущим свой репертуар, свое творческое лицо.

А. КРАВЦОВ,
профессор ГИТИСа.
(Специально для «Казахстанской правды»).